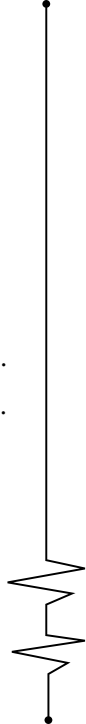

ИСКУССТВО НЕ ВСЕГДА ПРЕКРАСНО.
И В ЭТОМ ЕГО СИЛА.

АСТА АТОМ ТРЕЙ
ИСКУССТВО
НЕ МОЖЕТ БЫТЬ
ПРЕКРАСНЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т66

Серийное оформление — *Екатерина Климова*

Иллюстрации на обложке, форзацах и в блоке — *Kamfenk*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Трей, Аста Атом.

Т66 Искусство не может быть прекрасным : [роман] / Аста Атом Трей. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 256 с. — (Хиты молодежной прозы).

ISBN 978-5-17-186135-3

Оливер Беттем — семнадцатилетний подросток, мечтающий поступить в Академию музыки. С начальной школы он увлекся игрой на фортепиано, но сколько бы ни тренировался, его усилия не оправдываются. Эдгар Блэк — выдающийся скрипач с нарушением слуха и инвалидностью по зрению. Его мечта — обрести равновесие души. Как их встреча может кардинально изменить жизни?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-186135-3

© Трей А., 2026
© ООО «Издательство «АСТ», 2026

ГЛАВА 1

Наконец-то я увидел его вживую и невероятно близко — сам Эдгар Блэк собственной персоной. Скрипач, слава которого распространялась на всю страну и разнеслась уже на ближайшее зарубежье. Видео с его концертов и интервью — каждый, кто дорожил и интересовался миром музыки, знал об этом виртуозе-скрипаче, и многие мечтали увидеть его вживую и послушать музыку.

Концерты Эдгар давал не так часто, но на каждый билеты раскупали за считанные часы, а порой и часа не проходило. Люди готовы были заплатить любую цену, лишь бы услышать, как этот слепой от рождения, так ещё и с нарушением слуха, может столь виртуозно в свои девятнадцать исполнять сложные классические произведения и писать свои. Задаваясь этим вопросом, многие, кто не так охотно слушал классическую музыку, стали интересоваться персоной Эдгара Блэка.

Я тоже был в числе этих заинтересованных людей. Зовут меня Оливер, и впервые за

полгода охоты за билетом мне невероятно повезло. Чудом я успел купить билет и теперь сижу в одиннадцатом ряду партера в филармонии и с нетерпением жду начала концерта. Сердце бьётся бешено, будто бы я вовсе не сижу, а бегу сорокадвухкилометровый марафон. В висках стучит от общего шума, от разговоров других пришедших сюда людей, которые ещё занимали свои места.

Но вдруг настал этот миг — общая резкая тишина, теперь моё сердце замерло, переставая биться вовсе. Казалось, что эта немая тишина продлится ещё очень долго, но вдруг погас свет, а массивный красный занавес стал сдвигаться по бокам большой сцены.

Было душно и жарко, хотелось хоть немного свежести в этот зал, но вместо этого воздух от напряжения лишь накалялся. Эта общая тишина заставляла кожей чувствовать общее волнение. Весь зал стал единым организмом.

Вот он! Стоит в центре зала со скрипкой и готовится к началу. После довольно длительного поклона в знак приветствия Эдгар Блэк взялся за инструмент и на секунду замер, начиная вдруг играть с такой ошеломляющей энергией, что у меня перехватило дух. Всё вокруг исчезло и перестало иметь смысл, а игра его скрипки проняла каждую частицу, существующую в пределах этого зала.

Я смотрел запись каждого его выступления и не один раз, но всё это не сравнится с живым

выступлением. Я самопроизвольно приоткрыл рот, у меня пересохло горло, а оторвать взгляд я был вовсе не в состоянии. Всё моё нутро пронизывала музыка, заполняя до краёв.

До того я бывал на других концертах, сам кое-какой музыкант с натяжкой. Мир музыки поглотил меня давно, с раннего детства, и, конечно, я посещал такие концерты множество раз. Я чувствовал волнение и трепет, по коже бегали мурашки, а зрачки расширялись. Всё это уже было, но сейчас я переживал эти эмоции, как в первый раз!

Словно в забвении я слушал его до окончания первого акта, когда скрипач вдруг резко завершил выступление, оторвав смычок от скрипки. Зрители сорвались с мест, заполняя тишину громкими аплодисментами и неся к сцене цветы. Я тоже встал, но позже всех и медленно. Ноги меня почти не держали, да и хлопать я был не в состоянии. Я просто был ошеломлён и всё ещё пребывал в каком-то трансе. Я не понимал, как жить мне после этого концерта?

Когда за Эдгаром вышли и помогли уйти со сцены, я наконец ожил. Моё промедление всё ещё тянулось, но толпа сама не давала мне дальше находиться в трансе. На время антракта массы людей начали перетекать в буфет, а потому я решил не отставать от большинства и перевести дух там.

Это действительно помогало — буфетная зона казалась крошечной и давила низким по-

толком по сравнению с объёмами концертного зала. Тут не было той атмосферы, мурашки не носились по телу, заставляя волосы на теле вставать дыбом.

Я стоял в стороне от большинства, у стены, наблюдая за всеми другими людьми. На концерт я пришёл один и знакомиться ни с кем не планировал, моей целью было именно послушать скрипку Эдгара вживую, и я этой цели добился.

Какая-то странная гордость переполняла меня, я хотел после рассказать всем об этом концерте, хотя и без того успел рассказать каждому знакомому про своё невероятное везение с билетом.

В какой-то момент общий гул стал стихать, но я не заметил этого вовремя. Когда же незнакомый голос обратился ко мне, я немного растерялся:

— Извините... — Я резко обернулся и испугался. — Не могли бы вы принести мне воды?

— Д-да, конечно...

— Я подожду здесь, спасибо.

На ватных ногах я бегом скрылся в толпе. Ко мне подошёл сам Эдгар Блэк! Я боялся, что ошибся сам или ошибся он, и, когда вернусь, его там уже не будет. Может, он договорился о встрече с кем-то и сейчас ошибся? Думая об этом и о том, что я могу взять автограф, я быстро купил в буфете воды за бешеные деньги

и вернулся к назначенному месту. Эдгар, на моё удивление, действительно никуда не ушёл.

— Спасибо, — вновь сказал он, когда я отдал ему бутылку. — Сколько она стоила?

— Что?

— Сколько она стоила? — невозмутимо переспросил он.

— Нет, нет, это просто так...

Эдгар молча открыл бутылку, стал пить, как вдруг к нам подошёл высокий мужчина в теле. Его я узнал незамедлительно — Себастьян Адамс — учитель и продюсер Эдгара. На вид строгий мужчина, но в действительности невероятно добродушный человек. Себастьян является примером того, как внешность может быть обманчива.

К слову, о внешности: короткая стрижка каштановых волос была, как и на фотографиях в статьях, убрана. Лицо его гладко выбрито, а костюм сидел идеально. Только вот, несмотря на лёгкую улыбку и доброе свечение глаз, мне всё же было страшно находиться рядом с этой скалой.

— Тебя тяжело найти в толпе, — сказал Себастьян Адамс.

— Извините. — Эдгар всё ещё смотрел прямо на меня, но я знал, что он ничего не видит. — Я хотел пить, а в гримёрке закончилась вода.

— Она тут дорого стоит. — Себастьян задумался. — А вы кто? — обратился он ко мне.

— Я... меня зовут Оливер... — ответил я сразу.

— Он купил мне воды, — пояснил Эдгар, — но не сказал, сколько она стоит. Я хотел вернуть деньги.

— Не надо ничего возвращать!

Я активно замахал руками в знак протеста.

— Тогда ты идёшь со мной.

Я опешил: что значит иду с ним? Только вот я ничего сказать не успел, а Эдгар, придерживаясь рукой стены и проверяя пол перед собой тростью, пошёл куда-то. Мешкать я не стал, потому как даже Себастьян пропускал меня вперёд, идти вслед за Эдгаром.

Выйдя из переполненной буфетной зоны, мы попали в длинный коридор. Он был абсолютно пустым, серым и скучным. Несколько дверей по левой стороне в тех же оттенках, что и стены, разве что номера были выгравированы на золотых табличках. По правой стене были чьи-то грамоты, письма и картины с музыкальной тематикой. Однако для меня закулисье было волшебным местом, и я разглядывал таблички с номерами и именами, всматривался в грамоты, при этом стараясь не отставать от Эдгара.

Войдя в одну из гримёрок, я опешил, наверное, в сотый раз за день. Маленькая комнатка, в которой почти ничего не было. Я прошёл внутрь, чтобы Себастьян мог зайти, но он лишь улыбнулся мне, закрыл дверь, оставшись в коридоре. Его тяжёлые шаги удалялись всё дальше по коридору, в то время как неслышные шаги Эдгара привели его к дивану в конце комнатки.

- Расскажи о себе, — спокойно сказал Эдгар.
- Я? А что рассказать?
- Имя твоё я уже знаю.
- Ну... мне семнадцать, оканчиваю школу, хожу в музыкальную секцию.
- Кем потом хочешь стать?
- Думал о музыкальной академии, но у меня мало шансов поступить туда. Скорее всего...
- Ты поступишь.
- Что?
- Ты поступишь.

Эдгар говорил спокойно, будто бы речь шла не о моём поступлении, где у меня не было ни шанса, ни надежды, а о простых вещах, например, о том, какой чай предпочитает пить. Я не понимал, как оказался здесь и почему он так ободряет меня — незнакомого человека, который просто купил ему воду.

- Ты здесь? — спросил он, не двигаясь с места.
- Да, я тут...
- Ты расстроен? Прости, я не всегда понимаю новых людей по интонации голоса. Обещаю, чуть позже я научусь понимать тебя.
- В смысле, чуть позже?
- Мне интересно с тобой разговаривать, — прямо и всё так же спокойно сообщил Эдгар. — Если ты не против, я бы хотел и дальше с тобой общаться.

Я окончательно перестал верить самому себе. Казалось, что всё это сон и вот-вот я про-

снусь и окажусь в своей комнате, а эта история станет небылицей. Быть не может, чтобы так легко и просто человек, которым восхищаюсь не только я, а миллионы людей, пригласил именно меня в свою гримёрку и сейчас говорит, что хочет чаще со мной общаться!

— Так ты не против?

— Я? Нет, конечно, нет! Я... я удивлён...

— Удивлён? — Эдгар задумался. — Это лучше, чем быть рассерженным. Спасибо.

— За что?

— За то, что согласился. Скоро второе отделение концерта. Я бы хотел, чтобы ты был в другом месте, где будет лучше слышно и видно.

Я не нашёл, что ответить, но, когда заметил, что Эдгар встал с места и ищет чехол со скрипкой, помог ему. На лице музыканта возникла лёгкая улыбка, после он взял меня за ткань одежды у локтя и попросил сопроводить до выхода на сцену. Когда мы дошли до двери, за которой уже была сцена, Эдгар остановился. Я всё ещё не хотел признаваться себе в реальности происходящего.

— Я бы хотел, чтобы ты подождал меня здесь. Стулья были где-то дальше по коридору налево.

— Прямо здесь?

— Так, чтобы тебе было удобно слушать. Извини, мне пора.

Довольно быстро возник Себастьян, который открыл перед скрипачом дверь. Эдгар, взяв под руку продюсера, шагнул на сцену уверенно

и твёрдо. Я стоял и смотрел им в спины, пока силуэт Эдгара не осветили яркие прожекторы. Себастьян оставил его, доведя до нужной точки. Когда же Эдгар остался один и стал готовиться к началу второго акта, я заметил что-то странное. Аккуратным и быстрым движением он вытащил из ушей слуховой аппарат и сунул его в карман фрака. Выходит, когда играет, он не слышит и не видит одновременно? Я оторопел окончательно.

Не знаю, мне казалось, что удивиться больше я просто не мог, но оказалось, что зря. Во втором отделении он должен был играть скрипичные партии по мотивам оперы Вольфганга Амадея Моцарта — «Дон Жуан», но вместо знакомых нот я услышал совершенно новые и незнакомые. Мой рот вновь приоткрылся, но вдруг раздались уже знакомые тяжёлые шаги Себастьяна. Он подошёл ко мне с блокнотом и ручкой.

— Не похоже на Моцарта, да? — задал он мне риторический вопрос.

— Это отклонение от программы... Вы о нём знали?

— Эдгар бывает непредсказуем и не всегда отчитывается передо мной. Я не слышал этой композиции, делаю ставку, что он импровизирует.

— Импровизирует?

Всё, теперь точно дальше некуда! То, как точно, как чётко и без фальши Эдгар Блэк играл сейчас, совершенно не вписывалось в рамки импровизации. Я вновь посмотрел на скрипача,

не зря его называют виртуозом. Я не мог предсказать удивление зрительского зала и даже хотел увидеть всех этих людей. Что они думают о новой композиции скрипача?

Продюсер же был спокоен и непоколебим. Конечно, он ведь больше знает о характере и способностях своего подопечного. Думаю, что Себастьян Адамс записывает на слух сейчас не всё, предполагая, что Эдгар, играя, запомнит устойчивые ноты сам.

Вдруг рядом образовался стул, Себастьян предложил мне присесть. Я так и поступил, потому как ноги подкашивались. Сам продюсер остался стоять и торопливо продолжал записывать эти ноты в блокнот. Я заметил в некоторых местах пробелы, но большая часть была записана не самым аккуратным подчерком на неровных линиях, прочерченных в блокноте от руки. Вообще я сомневался, что кто-то из них позже воспользуется этими записями. Почему-то мне казалось, что у Эдгара это нечто спонтанное, что быстро отпустит, а для Себастьяна Адамса это просто долг — записывать каждую новую идею скрипача.

Когда это чудо импровизации закончилось, Эдгар сделал долгий поклон под бурные аплодисменты зрителей. Я же сидел, не в силах сделать с собой хоть что-то. Я хотел встать, но вместо этого прилип к стулу намертво. Я всё ещё ждал, когда этот фантастический сон закончиться и я очнусь в своей комнате.

Видя, что Эдгар ничего больше не собирается исполнять, к нему вышел Себастьян и после просьбы скрипача, вынес ему микрофон. Взяв его в руки, музыкант объявил, что это было, а после объявил, что сыграет обещанного «Дон Жуана». Но это уже было не то, совершенно не то, хотя всё ещё прекрасно и чётко по нотам.

Но не только следование нотам делало Эдгара Блэка лучшим из лучших. Его аура и энергия, которые переполняли зал, — вот, что заставляло каждого ему верить. Эмоции, которые он вызывал в других, были настоящими только потому, что он сам их чувствовал и делился с каждым слушателем, и не важно, где тот сидел. Этого видеоролик из интернета не передаст никогда, хотя и там чувствовались отголоски этих эмоций.

На живом концерте меня пробиравало насквозь, музыка проходила через тело, задевая все струны души. Каждая клетка ощущала вибрацию, и я не мог оставаться равнодушным. Я проживал эту историю вместе с музыкантом, чувствовал то же самое, что со сцены транслировал он.

Но вот чудо кончилось, и смычок оторвался от натянутых струн скрипки. Видно было, как Эдгар устал, но как счастлив был он и вместе с ним публика. Вновь на сцену полетели цветы, но он лишь выпрямился, убрал инструмент и чётким размеренным шагом вместе с Себастьяном дошёл до меня.